

Анотація

У статті досліджено проблему реалізації та функціонування загальнолюдських цінностей на прикладі антонімічних понять “жертвність” та “зрада” в історичній прозі Ю. Мушкетика. З’ясовано, що розкриття вищезазначеної проблеми тісно пов’язане із проблемою вибору та пошуком героями сенсу свого життя та ґрунтується на поділі героїв на дві протилежні групи: патріотів, які постають перед читачами в ореолі самопожертви, та зрадників.

Ключові слова: цінності, зрада, жертвність, твір на історичну тему, вибір, сенс життя, екзистенція.

Аннотация

В статье исследована проблема реализации и функционирования общечеловеческих ценностей на примере антонимических понятий “жертвенность” и “предательство” в исторической прозе Ю. Мушкетика. Выяснено, что раскрытие вышеуказанной проблемы тесно связано с проблемой выбора и поиском героями смысла своей жизни и основывается на разделении героев на две противоположные группы: патриотов, которые предстают перед читателями в ореоле самопожертвования, и предателей.

Ключевые слова: ценности, предательство, жертвенность, произведение на историческую тему, выбор, смысл жизни, экзистенция.

Summary

The problem of human values' implementation and functioning as an example of antonymous concepts of “sacrifice” and “betrayal” in Yu. Mushketyk's historical prose is examined in the article. It was found, that the disclosure of this problem is closely linked with the problem of choice and searching the meaning of characters' life and is based on the separation of the characters into two opposing groups: patriots and traitors.

Keywords: values, betrayal, sacrifice, work on the historical theme, choice, meaning of life, existence.

УДК 882

Ракитова Л. А.,

соискатель,

ГВУЗ “Донбасский государственный
педагогический университет”

(Славянск)

ИСТОРИОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ М. А. ВОЛОШИНА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ-ЛЕКЦИИ “РОССИЯ РАСПЯТАЯ”)

Вершиной публицистического творчества М. А. Волошина периода первых лет революции является статья-лекция “Россия распятая” (1920) – произведение, в полной мере отразившее философию “великого распада” [3, 318], каковым представлялись писателю исторические события 1917–1921 годов. Волошин – поэт, мыслитель, художник, литературный критик, философ, общественный деятель, парадоксалист и мифотворец – неисчерпаемая тема историко-литературных исследований. Обращение к публицистическому наследию, имеющему в основе богатую историософскую традицию, было положено статьей Л. К. Долгополова “Волошин и русская история (на материале крымских стихов 1917–1921 годов)”. Ученым были отмечены самые общие принципы, по которым

“следует рассматривать тему отношения Волошина к революции и гражданской войне как важнейшим фактам русской истории” [5, 168]. Цель предлагаемой работы – путем проблемного анализа статьи-лекции М. А. Волошина “Россия распятая” показать своеобразие историко-философской концепции писателя, раскрывающейся в его оценке революционных событий, их особого метаисторического смысла.

Революционный 1917 год, став рубежным периодом истории России, привел к резкой поляризации общественно-политической жизни страны. Данная тенденция, характерная также для литературы, привела к делению творчества писателей на до- и постреволюционное. Так, деятельность М. А. Волошина уже традиционно рассматривают в русле двух периодов: “раннего, лирического” [6], охватывающего 1900–1917 годы и “позднего, гражданского” [6], относящегося к 1917–1932 годам. Если в течение первого этапа Волошин наиболее ярко раскрывается как поэт и литературно-художественный критик, то с 1917 года – в жанровом соотношении начинает доминировать публицистика. Писатель заявляет о себе, прежде всего, как серьезный и глубокий мыслитель, для которого общечеловеческие ценности являются приоритетнее многочисленных политических программ. Трактовке особенностей общественно-политической позиции Волошина периода революции и Гражданской войны посвящен не один десяток литературно-критических исследований, конечный результат которых в целом зависит от позиции ученого. С нашей точки зрения, уместнее всего было бы процитировать высказывание современницы поэта З. Н. Гиппиус, которая в статье “Выбор мешка” (1907) определила общий принцип оценки творчества того или иного автора в период смены аксиологических принципов: “*Всякая проповедь судится в своих крайних точках, в своем конечном идеале, в том, к чему приводит, если идти до конца*” [4, 407]. Так, жизненная, общественная и литературная позиция Максимилиана Волошина представляют собой нерасторжимое единство, моральную основу, позволяющую говорить об индивидуальной историко-философской традиции его писательского и публицистического творчества.

Осмысление сущности и основных процессуальных мотивов определенного исторического периода в интерпретации того или иного мыслителя является методологической доминантой его историософской концепции. Следует отметить, что социально-политический портрет эпохи, сложившийся в понимании Волошина в четко структурированную мировоззренческую парадигму, получил первоначальное оформление в его статье “Заметки 1917 года”. Писателем были определены “три кита” русской революционной действительности: аристократизм как неотъемлемый признак искусства; вера как опора будущего; Град Господень как недостижимый идеал русской истории. Более детальное толкование данные тезисы получают в статье-лекции “Россия распятая”, что мы и попытаемся доказать на конкретных примерах.

Аристократизм, как особый тип духовности и стиль жизни, является объектом философских толкований, начиная со времен Платона, определявшего данное понятие как преобладание разумной части души. В русской философской

мысли обозначенный аспект нашел воплощение в труде Н. А. Бердяева “Философия неравенства” (1918), преемственность идей которого четко прослеживается в мировоззренческой системе М. А. Волошина. Обозначая аристократизм как *“идеал благородства, породы, качества”* [1, 103], Бердяев утверждает его как чисто духовную основу, лишенную связи с эстетизмом либо же классовыми институтами.

Волошин, изначально выделяет аристократизм как важнейшее условие развития искусства, его движущую силу: *“Принцип равенства (демократизации), вполне разумный и справедливый в области правовой, становится губительным, когда его применяют в той области, где все основано на порыве к лучшему, высочайшему, где все зиждется не на демократизме, а на аристократизме”* [2, 296]. Впоследствии данный аспект становится основой общественно-политической позиции писателя в период революции и Гражданской войны. Так, по его мнению, причастность поэта к политике является недопустимой, ибо гражданский долг мыслителя (его духовный аристократизм) – в беспристрастности и вере в свою нацию: *“Поэту и мыслителю совершенно нечего делать среди беспорядочных столкновений хотений и мнений, называемых политикой”* [2, 310]. Волошин представляет очень точное определение понятия “политичность”, которое столетиями взращивалось в сознании русского общества: *“На дне каждого политического убеждения заложен элемент личного желания или интереса, который разработан в программу, а ей придан характер обязательной всеобщности”* [2, 310]. Таким образом, в русском политическом сознании понятие нейтральности относительно той или иной политической доктрины отсутствует как таковое. Отмечая политическую нетерпимость, присущую русскому народу, Волошин подводит читателя к пониманию сущности острой классовой враждебности, ярко проявившейся после октябрьского переворота: *“...политические борцы в пылу борьбы слишком легко рассекают вопросы на “да” и “нет” и, обращаясь к мимо идущему, восклицают: “Или с нами, или против нас!”, совершенно не считаясь с тем, что этот встречный может быть ни за тех, ни за других, а иногда и за тех, и за других, и что по совести его нельзя упрекнуть ни в том, ни в другом”* [2, 310].

Абсурдной, с точки зрения мыслителя, является также сама большевистская идея о социальном равенстве, в котором кроется *“ложная демократия”* [2, 296]. По сути, это – не что иное, как тяготение к равенству в ничтожестве, прямой путь к духовной и нравственной деградации человека. Отсюда – разграничение понятий “аристократия” и “демократия”: власть лучших и формальное господство всех, соответственно. Подобно Бердяеву Волошин видит в большевиках не причину революционных преобразований, но следствие многовекового самодержавного рабства, начало которому было положено политикой Петра I. Бердяев отмечает: *“Петр вздернул Россию на дыбы, он призвал Россию к великому будущему. Но в женственной русской душе осталось глухое недовольство против мужественного призвания Петра и оно пришло в озлобление”* [1, 17]. Волошин, в свою очередь, подчеркивает: *“...главной чертой*

русского самодержавия была его революционность. ...Так было во времена Грозного, так было во времена Петра” [2, 315]. Являясь сторонником теории цикличности исторического развития, Волошин определяет грядущие перспективы России, опираясь на события уже давно минувших эпох. Ярким примером служит описание февральских событий 1917 года: *“Торжествующая толпа с красными кокардами проходила мимо, не обращая на них никакого внимания. Но для меня, быть может подготовленного уже предыдущим, эти запевки, от которых веяло всей русской стариной, звучали закланиями”* [2, 314]. Описывая революционный парад на Красной площади *“в честь Торжества Революции”* [2, 313], Волошин приводит параллель: то, что видит большинство (толпа) – демонстрации с красными плакатами, призывающими воспевать новую жизнь и то, что видит Поэт – множество слепцов, *“которые, расположившись по папертям и по ступеням Лобного места, заунывными голосами пели древнерусские стихи о Голубиной книге и об Алексее – человеке Божьем”* [2, 313]. Для Волошина этот эпизод становится знаком дурного предвестия для будущего России, в котором он усматривает не что иное, как повторение событий Смутного времени: смерть Ивана IV Грозного в 1584 году и последующая утрата централизованной государственной власти совпадает с отречением Николая II в 1917 году. “Духами” русской истории, производящими свой суд над современностью, выступают такие явления, как *“Разиновщина и Самозванщина на фоне Смутного времени”* [2, 318]. В стихотворении “Dmetrius-Imperator” поэт упоминает убиенных младенцев, приносимых в жертву русской истории: Дмитрия-царевича, сына Ивана IV Грозного, убитого в Угличе по приказу Бориса Годунова; царевича Ивана – сына Марины Мнишек и Лжедмитрия I, *“повешенного у Серпуховских ворот в Москве в 1613 году в царствование первого из Романовых”* [2, 319] и казненного в июле 1918 года цесаревича Алексея Романова. Волошин, объединяя этих трех персонажей, создает единый образ убиенного младенца, становящегося злым демоном русской истории: *“Четверть века – мертвый, неизбывный / Правил я лихой годиною бед. / И опять приду – чрез триста лет”* [2, 123].

Общеизвестен факт, что основой аристократизма, присущего культурам Европы, выступает институт рыцарства, отсутствующий в России. Отсюда вытекает то, что коллективизм, как доминантная национальная черта, явился фактической заменой индивидуалистических традиций, присущих аристократии. Русский национальный характер – это сплав двух непримиримых противоречий – анархизма и необходимости сильной власти: *“С одной стороны – Толстой, Кропоткин, Бакунин, с другой – Грозный, Петр, Аракчеев”* [2, 324]. Русская революция, явившаяся, по мнению Волошина, ничем иным, как великим историческим абсурдом (*“исключительно нервно-религиозное заболевание”* [2, 323]), нарушила законы иерархии – как в обществе, так и в культуре. Аристократия как социальная группа исчезает вместе с падением монархии, но сохраняется традиция, содержание которой заключается в соответствующем типе духовности, аристократизме духа, не зависящем от сословного табеля о

рангах. *“Аристократизм не есть право, аристократизм есть обязанность”* [1, 109], – тезис, свидетельствующий о подчеркнутом разграничении понятий “историческая” и “духовная” аристократия и явную приоритетность второй в понимании писателя. Отсюда, необходимым условием для будущего существования нации и государства является вера. Мотив молитвы, органично сочетающийся с идеей духовного преображения России, составляет художественный мир статьи-лекции “Россия распятая”. Так, в молитве, подкрепленной христианским смирением поэта перед историческими реалиями (*“На плечи крест, на выю трон”* [2, 130]), проявляется несокрушимая вера в воскресение, которое, в свою очередь, видится поэту крайне идеалистически: *“Так семя, дабы прорасти, / Должно истлеть... / Истлей, Россия, / И царством духа расцвети!”* [2, 121].

Религиозная сущность русской революции в представлении Волошина воплощается в мысли о крестном пути России, который повторяется из века в век. Как уже отмечалось выше, эпоха Смутного времени мистическим образом претворяется в XX веке, делая Россию *“уже не одержимой, а юродивой”* [2, 318]. Мученическая суть истории России служит в понимании мыслителя знаком ее избранничества, особой миссии. Таким образом, будущее обновленной России – это господство великих и благородных, господство чести и альтруизма, путь к которому лежит через духовное преображение и перерождение. Подобно утверждению аристократии как власти лучших, Волошин усматривает собственный идеал в виде духовной утопии, отмечая: *“Мой единственный идеал – это Град Божий. Но находится он не только за гранью политики и социологии, но даже за гранью времен”* [2, 330]. Сохраняя позицию аполитичности, Волошин отказывается от приверженности той или иной политической доктрине: *“Что мне до того, будет ли он (путь) вести через монархию, социалистический строй или через капитализм – все это только различные виды пламени...”* [2, 330]. Отсюда следует: социально-политическая позиция Волошина, состоящая в подчеркнутой аполитичности, делает его не только сыном своего времени – Серебряного века с его восприятием человека как внесоциального существа, но может быть определена как позиция духовного аристократизма.

Историософская концепция М. А. Волошина, нашедшая выражение в статье-лекции “Россия распятая”, несет в себе особый метаисторический смысл. Основой для размышлений писателя становится не столько революционное настоящее, в котором рушатся вековые устои, сколько события минувших эпох, повторяющиеся из века в век. Данный аспект воплощается, также, в структуре произведения. Следует отметить, что “Россия распятая” представляет собой сложный синкретический текст, включающий не только прозу, но и поэзию. Как определил автор в самом начале: *“Это стихи, написанные во время Революции и отвечающие на текущие политические события”* [2, 309]. Стихотворения, вошедшие в цикл, отражают своего рода ретроспективный взгляд поэта. Цель

автора – актуализировать в памяти читателя уже известные факты, дать возможность переосмыслить их в новых социальных условиях.

Обобщая сказанное, заметим, что все три аспекта, в которых заключается понимание Волошиным сущности русской революционной действительности, представляют единую смысловую общность. Так, в условиях крушения бытийных основ (*“Европа сорвана войной, Россия сорвана революцией”* [2, 298]), единственным источником спасения человека является поиск внутренних ориентиров. Однако понимание веры не является исключительно христианским аспектом. По мнению писателя, источниками внутренней воли выступают *“познание и любовь”* [2, 298], трактуемые скорее как категории творческие, но не религиозные. *“Познание – это творчество, развернутое в обратном порядке”* [2, 298]. Способность любить не приближает человека к Творцу, но, наоборот, делает его самого созидательной силой в системе мироздания. Так, с помощью любви человек *“сочувствует в работе Иерархий в качестве одной из них”* [2, 298].

Категория веры в представлении Волошина – прерогатива будущего, ведущая к утопическому идеалу. Этот мотив, приобретая наиболее отчетливое выражение в произведении *“Россия распятая”*, утверждается писателем в идее о Граде Господнем, находящемся *“не только за гранью политики, но и за гранью времен”* [2, 329]. Противопоставляя настоящее будущему, Волошин утверждает противоположное вере качество – скептицизм – как необходимое условие текущего исторического момента: *“У личностей творивших историю... критическое отношение к действительности всегда исправляло их природную религиозность”* [2, 298].

Христианская утопия Волошина о создании Града Господнего утверждается на принципах жертвенности и добродетели, которые, в свою очередь, являются признаками Личности. Понимание духовного аристократизма как своеобразной печати избранничества, отделяет человека от массы: *“Для того, – чтобы личность не погасла, в массе возникает индивидуализм”* [2, 300]. Отсюда следует то, что понятия *“аристократизм”* и *“духовность”* суть категории тождественные, но кардинально противоположные материальному миру. *“Если для мира материального верен и необходим принцип демократизма, то для мира духовного настолько же необходим принцип аристократизма”* [2, 304]. Как следствие, критике писателя подвергаются основы социалистического строительства с его принципами Справедливости, Равенства и Братства, противоречащих по своей природе.

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства : письма к недругам по социальной философии / Н. А. Бердяев. – Берлин : Обелискъ, 1923. – 246 с.
2. Волошин М. А. Стихотворения ; статьи ; воспоминания современников / М. А. Волошин. – М. : Правда, 1991. – 480 с.
3. Гарин И. И. Серебряный век // Собрание сочинений : [в 3 т.] / И. И. Гарин. – М. : Терра, 1999. – Т. 2. – С. 256–358.

4. Гиппиус З. Н. Выбор мешка // Собрание сочинений : [в 7-ми т.] / З. Н. Гиппиус. – М. : Русская книга, 2003. – Т. 7 : Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916. – С. 206–209.
5. Долгополов Л. К. Волошин и русская история (на материале крымских стихов 1917–1921 гг.) / Л. К. Долгополов // Русская литература. – 1987. – № 4. – С. 169–174.
6. Любимцева Л. М. Особливості поетики М. О. Волошина : автореф. дис. ... к. філол. н. : 10.01.02 "Російська література" / Л. М. Любимцева. – Дніпропетровськ, 2000. – 16 с.

Аннотация

В статье рассматривается своеобразие историософской традиции в постреволюционном творчестве М. А. Волошина. На примере публицистического текста "Россия распятая" автор выделяет три принципа, на которых основывается писательское понимание исторического развития России: аристократизм, вера, духовное преображение. В ходе анализа подчеркивается преемственность философских идей Н. А. Бердяева, акцентируется приверженность М. А. Волошина теории циклического развития истории.

Ключевые слова: публицистика, историософия, революция, аристократизм, духовность.

Анотація

В статті розглядається своєрідність історіософської традиції в постреволюційній творчості М. О. Волошина. На прикладі публіцистичного тексту "Россия распятая" автор виділяє три принципи, на яких засновується письменницьке розуміння історичного розвитку Росії: аристократизм, віра, духовне перевтілення. В ході аналізу підкреслюється наступність філософських ідей М. О. Бердяєва, акцентується прихильність М. О. Волошина теорії циклічного розвитку історії.

Ключові слова: публіцистика, історіософія, революція, аристократизм, духовність.

Summary

The article is dedicated to the investigation of the historiosophical tradition in M. A. Voloshin's post-revolutionary works. On the material of publicistic text "Russia crucified" the author distinguishes three principles that the writer's understanding of Russia historical development is based on: aristocratism, faith, spiritual transformation. In the course of analysis both the succession of N. A. Berdyaev's philosophical ideas and M. A. Voloshin's adherence to the theory of cyclical historical development are accentuated.

Keywords: journalism, historiosophy, revolution, aristocratism, spirituality.